
Двенадцать лет назад.

В больничных коридорах царила суматоха. Только что привезли жертву автокатастрофы — женщину, залитую кровью: пульс едва прощупывался, множественные повреждения внутренних органов, состояние критическое.

Загорелось багровое табло «Идёт операция». Едкий запах антисептика постепенно въедался в лёгкие. Нин Си тошнило — от этого запаха, от сырости дождя и от липкой крови, казалось, впитавшейся в ладони.

Слух будто затянуло плотной тканью: лязг каталок, суета медиков, отрывистые выкрики врачей — всё странным образом потонуло в глухой тишине.

А ведь сегодняшний день должен был стать праздником, верно?

Разве они не должны были праздновать?

Почему других детей после выступления обступают родители, хвалят, обнимают, говорят, как гордятся ими?

Я ведь тоже изо всех сил старался. Но когда поднял глаза со сцены... почему вас снова не было в зале?

— Молодой господин, господин Нин и госпожа сейчас заняты, пожалуйста, не шумите.

На мужчине был безупречно отглаженный костюм, лицо выражало полное равнодушие. С гарнитурой в ухе он продолжал деловой разговор, даже не взглянув на мальчика.

Мать вела себя точно так же: висела на телефоне, обсуждая рабочий вопрос. На её строгом лице не было и тени улыбки — кажется, на переговорах возникли сложности.

Маленькому Нин Си оставалось лишь растерянно стоять в стороне, наблюдая, как родители отбывают номер. Они не замечали его, не думали о нём, полностью проигнорировав выступление, к которому он так долго готовился в надежде заслужить хоть каплю тепла.

— Ого, посмотри на них!

— Это же «Роллс-Ройс»! Какая машина роскошная, дорогушая, наверное!

— Ну и достаток у семьи... Эх, вот ведь повезло ребёнку!

В глазах Нин Си закипели слёзы.

Да что они понимают... Кому вообще есть до этого дело?..

Нин Кайвэй мельком глянул на сына, застрывшего позади, и равнодушно бросил:

— Закончил? Раз закончил, живо марш домой. У нас ещё дела...

— Почему вы не смотрели моё выступление?! — от обиды у Нин Си перехватило дыхание. — Вы опять соврали! Каждый раз одно и то же! Обещали же, что побудете со мной! Только и знаете, что работа, работа, работа! Обманщики!

Слёзы застилали глаза, мальчик закусил губу до крови. Детское сердце разрывалось от горькой, несправедливой боли.

Заметив, что сын уткнулся лицом в грудь и вот-вот расплачется, Ло Хань отодвинула телефон и произнесла:

— У нас много дел. В следующий раз...

— Опять «в следующий раз»?!

Слушать оправдания больше не было сил. Нин Си не хотел возвращаться в пустой, холодный дом, где его никто не ждал. Развернувшись, он бросился прочь, лишь бы сбежать отсюда подальше.

— Си-эр! — Ло Хань порывалась шагнуть вслед за ним, но Нин Кайвэй удержал её за руку.

— Обычный детский каприз, не обращай внимания. У тебя сейчас важная конференция, верно?

Ло Хань помедлила секунду и кивнула.

Грозовые тучи затянули небосвод, давящей тяжестью лишая воздуха. И без того тёмный вечер погрузился во мрак.

Надвигалась буря.

Маленький Нин Си бежал сам не зная куда, совершенно не разбирая дороги. Первые тяжёлые

капли быстро сменились стеной проливного дождя, мгновенно промочившего его одежду до нитки.

Ни зонта, ни телефона. Темнота, ливень и ни одного знакомого укрытия.

Забившись в небольшую каменную нишу в парке, Нин Си обнял колени, пытаясь согреться.

Время тянулось невыносимо медленно. Сумрак сменился непроглядной ночью, и Нин Си окончательно смирился с мыслью, что его никто не ищет.

— Си-эр?

Внезапно тьму разрезал луч фонаря, и раздался знакомый голос. В полумраке Нин Си разглядел лицо матери под зонтом.

Мальчик невольно опешил. Он ожидал увидеть дядюшку Хэ или вызванных полицейских, но никак не думал, что за ним придёт сама мать.

— Ты...

Нин Си не успел произнести и слова — резкая трель звонка прервала его. Ло Хань ответила на вызов: снова работа.

— Да, хорошо. Закупайте по этой котировке. Как сформируете финансовый отчёт, скиньте мне на телефон, — отчеканила она в трубку, а затем небрежным властным жестом махнула сыну: — Вылезай, мы возвращаемся.

Сердце мальчика сжалось от ледяной тоски.

— Не пойду... — Нин Си сильнее сжался в комок на сырой земле.

Ливень барабанил по куполу зонта с такой силой, что глушил голоса. Ло Хань, измотанная бесконечным стрессом на работе, потеряла остатки терпения.

Схватив сына за руку, она попыталась вытащить его:

— Всё, хватит. Пойдём домой, перестань капризничать!

— Не хочу! — Нин Си со всей силы оттолкнул её руку.

— Нин Си! — переполненная раздражением, Ло Хань сорвалась на крик: — Ты можешь хотя бы немного подумать о нас?! Понимаешь, сколько у меня работы?! Зачем ты вечно усложняешь нам жизнь?!

Детская обида хлынула с новой силой. Разве он просил о чём-то невозможном? Он просто хотел, чтобы хоть один-единственный день они обратили на него внимание. Почему это так сложно?

Усложняю жизнь... Я просто обуза.

— Нин Си, почему ты такой непослушный?!

«Непослушный... Да что значит быть послушным?!»

Нин Си не мог больше видеть её. Вырвавшись, он снова рванул прочь.

— Нин Си!

Слёзы и дождь застилали взор, ледяной ветер швырял в лицо капли, крики матери резали слух. Нин Си выскочил прямо на проезжую часть, слепо двигаясь вперёд — сбежать, только сбежать!

Лишь когда визг тормозов и оглушительный вой клаксона разорвали тишину, он резко оглянулся.

А?..

На мокром, тёмном асфальте лежала неподвижная, окровавленная женщина. Поодаль стоял накренившийся автомобиль, фары которого были залиты багровой юшкой.

Что происходит?..

Мысли Нин Си отключились.

Из машины выскочил водитель, раздались крики, вокруг начала собираться испуганная толпа. Голоса слились в хаотичный гул:

— Сбили человека!

— Авария!..

— Я не виноват, она сама выбежала на дорогу!

Нин Си застыл в оцепенении.

Расстояние было небольшим, и он всё ещё видел её лицо. Встретился с её погасшим, полным разочарования взглядом, канувшим в тёмное месиво из дождя и крови.

Почему?..

Она умерла?

Из-за меня?

Почему её последними словами были «почему ты такой непослушный»?

Это потому, что я не слушался?

Всё из-за меня?

«Почему ты не можешь понять родителей?»

«Они же ради тебя стараются, вкалывают день и ночь!»

«Нин Си, почему ты такой непослушный?»

Запах антисептика мешался с тяжёлым духом крови. Врач вышел из операционной и печально качнул головой, после чего мир погрузился в глухой плач.

Сняв медицинскую шапочку, доктор заметил неподалёку маленького мальчика в измазанной кровью одежде. Тот сидел с абсолютно пустым, остекленевшим взглядом.

— Чей это ребёнок? — спросил врач.

— Погибшая женщина была его матерью.

Доктор посмотрел на мальчика, оценивая его близкое к шоковому состояние:

— Выжил в аварии?

— Да, но...

— Нет... — наконец едва слышно прошептал Нин Си. Голос его звучал так тихо, будто он обращался к самому себе: — Это я её убил.

В больничном коридоре будто воцарилась гробовая тишина.

Больше никто и никогда не прибежит к нему.

Особняк семьи Нин.

— Молодой господин, откройте дверь! — Дворецкий беспокойно стучал в спальню. — Вы ведь совсем ничего не едите!

Нин Кайвэй с ледяной миной подошёл к комнате:

— Всё ещё не выходит?

— Да, господин Нин. Уже трое суток прошло, он не съел ни крошки! Неизвестно даже, пьёт ли воду... Так же нельзя!

— Принесите ключи.

В голосе и взгляде Нин Кайвэя не было ни капли тепла. Отперев замок, он шагнул в комнату сына.

В помещении царил непроглядная тьма. Мальчик сжался под одеялом, не подавая признаков жизни.

— Нин Си, — сурово приказал отец. — Вставай.

Никакой реакции. Ребёнок словно умер.

— Теперь ты доволен? — Нин Кайвэй нахмурился, в его голосе прозвучала сухая, мертвенная горечь. — Этого ты добивался?

Нин Си молчал.

— Вставай и ешь, — повторил Нин Кайвэй.

— Не хочу... — из-под одеяла раздался едва различимый, охрипший шёпот.

— Опять за своё? Решил уморить себя? — Взгляд чёрных, как тушь, глаз Нин Кайвэя оставался абсолютно неживым. — Так вот послушай: ты пока не заслужил права на смерть. Ты обязан жить. Думаешь, так искупишь вину? Полагаешь, если сдохнешь вслед за ней, тебе не придётся страдать и отвечать за содеянное? Если ты смеешь так просто сдаться, никто и никогда тебя не простит. Она умерла. А ты будешь жить.

Они ведь были так заняты... Зачем он капризничал?

Почему не мог просто с пониманием отнестись к родителям?

Какая же хрупкая штука...

Человеческая жизнь оказалась куда хрупче любых отношений. Порой не успеешь даже разобраться в чувствах, а жизнь уже угасла.

Нин Си выбрался из-под одеяла и, схватив голыми руками обжигающий рис, начал жадно пихать его в рот.

Он давился, плакал, заглатывал еду до тошноты и спазмов в горле. Рис казался горьким и невыносимо солёным от смешавшихся с ним слёз.

Ему было больно, но пути назад не существовало.

Отец прав: он должен вцепиться в жизнь любой ценой.

Он будет жить.

Он обязан выжить.

Утреннее солнце медленно затапливало комнату светом. Кондиционер гонял прохладный воздух, смешивавшийся с первым теплышком дня. Нин Си тяжело перевернулся на бок — голова раскалывалась, будто её разобрали на части и собрали заново.

Боже мой... Мозги словно в мясорубке побывали. Сколько же я вчера выпил?..

Он хотел было снова провалиться в сон, но тут же почувствовал неладное.

Так, стоп.

Погоди-ка...

Нин Си аж подскочил, уставившись на лицо Сун Ицзэ, оказавшееся прямо перед его носом.

Утончённые черты, точёный профиль, суровый разлёт бровей... По природе своей эта внешность несла лёгкую нотку хищной опасности, однако сейчас, с закрытыми глазами, юноша выглядел удивительно умиротворённым.

Мать твою!

Что за чертовщина?!

Какого чёрта он лежит в одной постели с Сун Ицзэ?!

А руки-то, руки куда загрёб?! Сжал так, будто выпускать не собирается. Что он вообще задумывал?!

Нин Си попытался выкрутиться, но хватка Альфы оказалась мёртвой — этот парень явно не намеревался его отпускать.

Нет, ладно, двое парней спят вместе — дело житейское, но поза-то совершенно двусмысленная!

Смущение волной накрыло Нин Си, а в следующую секунду он и вовсе вздрогнул всем телом: ладонь Сун Ицзэ медленно соскальзывала всё ниже, уже задевая поясницу.

Сработал чистый рефлекс. Нин Си занёс кулак, намереваясь жёстким силовым методом привести в чувство этого обнаглевшего младшего.

И тут Сун Ицзэ открыл глаза.

Он увидел Нин Си, зажатого в своих объятиях, с занесённой рукой — тот пылал от праведного гнева и смущения, явно собираясь его оттузить.

Сун Ицзэ уже приготовился получить заслуженный удар.

Однако юноша в его руках вдруг замер на пару секунд. Занесённая для нокаута рука неожиданно потеряла всю силу и превратилась в аккуратный кулачок, который лишь слегка ткнулся в грудь Сун Ицзэ.

Раздался кокетливо-негодующий голос:

— Ты чего это ко мне за поясницу лезешь?..

Профессиональная выдержка актёра — высший класс! Отыгрывать роль — так до конца.

Сун Ицзэ: «...»

Спасите.

Ну почему он такой милый?!

<http://bllate.org/book/20373/2299870>